

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

СОВЕСЕДНИК

Алексей Колбин: Любовь к театру — это на всю жизнь

Ведущий солист «Балета Евгения Панфилова» — о своём творческом пути

МАРИЯ ТРОКАЙ

В апреле в ДК им. Солдатов с аншлагом прошёл редкий концерт — бенефис в честь 25-летия творческой деятельности Алексея Колбина. Танцевать четверть века, оставаться преданным одному театру — такой выбор делает далеко не каждый артист. Слом стереотипа можно наблюдать и в том, что Колбин — танцующий педагог Пермского хореографического училища, где он преподаёт современный и классический танец. Три года назад была создана авторская «Школа эстетического развития». Ещё один проект артиста — «Лики танца» — объединяет хореографов, преподавателей и всех, кто неравнодушен к танцевальному искусству.

— Алексей, когда произошла ваша первая встреча с танцем?

— Мы с родителями жили в Свердловске, где моя мама работала врачом при железнодорожной поликлинике. При Дворце культуры железнодорожников был организован детский творческий коллектив. Родители заметили мой артистизм. Мама привела меня на занятия танцами в ДКЖ. Так с трёх лет началось моё постепенное движение к хореографии. Благодаря безгранично любящей маме я научился эмоциям, которые испытывает артист на сцене, раньше, чем узнал, как делается пируэт.

Позже по совету одного из педагогов я пришёл в ансамбль «Улыбка» и с головой погрузился в танец. В 10 лет поступил в Ленинградское хореографическое училище им. А. Я. Вагановой. Но жизнь в интернате без семьи оказалась не для меня. Вернулся в родной город и родную уже «Улыбку»: началась настоящая артистическая жизнь с гастроллями, репетициями, костюмами. Мы ездили выступать в Москву, Брюссель, Берлин и другие города. В 1989 году я оказался на творческом конкурсе в Пермском музыкальном училище. Коллектив хоровой школы, где я в тот момент занимался, исполнял рок-н-ролл, а я в дуэте с моей партнёршей из ансамбля танцевал. Педагоги конкурсного жюри обратили внимание на наше выступление и посоветовали мне попробовать свои силы в Пермском хореографическом училище. В тот же день в перерыве между концертами я зашёл в училище и сказал, что хочу поговорить с директором. Директора не оказалось, пригласили завуча и педагогов. Они слегка удивились тому, что пришёл с улицы 14-летний мальчик с рюкзаком за плечами и просит посмотреть его хореографические данные. Мне организовали просмотр. Пока педагоги совещались, я оставил свои контакты кому-то из сотрудников училища и ушёл. А через месяц моим родителям позвонила директор училища и спросила, почему я не посещаю занятия, — меня приняли. Так я оказался в Перми.

— В анонсе к вашему бенефису вы сказали, что 25 лет творческой жизни для вас — это не торжество, а скорей отчёт. Перед кем?

— Прежде всего перед самим собой, моими родителями, которых давно нет рядом, перед товарищами по сцене и моим учителем Евгением Алексеевичем Панфиловым. Из 25 лет вместе с Панфиловым мне удалось пройти всего треть пути — с 1994 по 2002 год. Может быть, скажу шаблонно, но это был золотой период и для меня лично, и для театра «Балет Евгения Панфилова», и для Евгения Алексеевича. Для юбилейного концерта выбрали только три работы в хореографии Панфилова: «Клетка для попугая», «Фигляр» и фрагмент из трёхактного балета «Ромео и Джульетта». Последний примечателен тем, что это была первая масштабная постановка, в которой задействовано около десятка солистов. Это стало возможным после того, как в труппу театра пришли выпускники хореографического училища, в том числе и я. До этого спектакли были локальными и по форме, и по количеству исполнителей.

Я научился эмоциям, которые испытывает артист на сцене, раньше, чем узнал, как делается пируэт

— В какой степени работа с Панфиловым определила ваш дальнейший творческий выбор?

— Каждый театральный сезон, который начинался с Евгением Алексеевичем, в чём-то кардинально менял вектор нашего творческого движения, тематику и стиль постановок, при этом сохранялась вся накопленная предыдущими работами энергия. Принцип, на котором рос зритель при Панфилове, — постепенное развитие по спирали от простого к сложному, от развлекательных шоу к серьёзным философским темам.

Артисты в хореографии Евгения Алексеевича — это не копии Панфилова. В каждом он видел то, что умеет выразить только этот танцовщик. Работая с яркими индивидуальностями, он создал театр — от частного к общему. Как ему это удавалось, я не знаю. Безусловно, любой другой хореограф, когда приходит на постановку, начинает исправ-

ФОТО АЛЕНА УЖЕГОВА

лять: «Тут не так вы сделали, надо так, а здесь — вот так», — и причёсывает, причёсывает...

У Панфилова работа строилась противоположным образом: приходил юный артист, пока ещё не сформировавшийся как профессионал, и ему давали раскрыться за счёт его техники, пластики, ощущения танца. Евгений Алексеевич умел это. Он включал нас в своё энергетическое поле для создания спектакля

не хотелось покидать. Когда мастера не стало, появилось желание, чтобы созданное Панфиловым сохранилось. Хореография — явление хрупкое, зыбкое. Лишь недавно появилась возможность её записывать, а до этого же всё было в памяти. Поначало, наверное, очень сильно работала харизма Панфилова, его энергетика крепко держала нас друг с другом в одной связке. А дальше ситуация разворачивалась так, что к нам в театр стали приезжать приглашённые хореографы, среди первых — знаменитый Ицик Галили, который поставил в нашем театре спектакль «То, что я никому не сказал». Появилась возможность профессионального роста внутри «Балета Панфилова». Достаточно много постановок создавали наши хореографы Сергей Райник, Алексей Расторгуев.

Затем я поступил в театральный институт, чтобы получить высшее образование. Там у меня тоже была возможность сотрудничать с другими хореографами. Потом я начал преподавать современный танец в Пермском хореографическом училище. Оставаясь артистом театра, я мог рассказывать ребятам о том, что, где и когда видел сам, то есть давать им какие-то комбинации, уроки не из истории модерна, а из актуальнейшего современного танца, который сейчас можно увидеть на сценах Москвы, Екатеринбурга, Питера. Параллельно сотрудничал с другими театрами: «Танц-Театром» Олега Петрова (Екатеринбург), Театром-Театром, где по приглашению бывшего главного балетмейстера Ирины Ткаченко занимался с балетной труппой классическим танцем.

Поэтому получалось, что у меня никогда не было потребности и необхо-

абсолютно на равных. Это было сотворчество. Он так организовывал жизнь коллектива театра, что в общении, в дискуссиях мы анализировали свои выступления и таким образом развивались.

— Благодаря подходу Панфилова, получается, вы выбрали нетривиальный путь. Не выстраивали карьеру в традиционном понимании, выходя на сцены престижных театров, делая себе имя, не уехали из Перми, как многие...

— Наверное, здесь можно снова вернуться к очень простому пониманию. Евгений Алексеевич был для нас не просто руководителем и хореографом. Он был нам вторым отцом. Мы так его и называли — папа Женя. Поездив вместе с ним на международные фестивали, поработав с другими театральными коллективами, начинаешь понимать, насколько созданная им ситуация уникальна. Этот «парник», в котором мы созревали, очень